

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Филинова Юлия Владимировна

**Коммуникативно-прагматические функции шведских модальных
частиц *ju, väl, nog* и *visst* в драматическом диалоге
(на материале пьес Л. Нурена)**

Специальность 5.9.6. – Языки народов зарубежных стран
(германские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2023

Работа выполнена на кафедре германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Матыцина Ирина Витальевна**
кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Циммерлинг Антон Владимирович**
доктор филологических наук, главный научный сотрудник ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

Красных Виктория Владимировна
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Алешин Алексей Сергеевич
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков факультета социальных цифровых технологий ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича»

Защита диссертации состоится «07» декабря 2023 г. в 16:30 на заседании диссертационного совета МГУ.059.3 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, г. Москва, ГСП 1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й корпус для гуманитарных факультетов, ауд. 1060.

E-mail: sovnet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.3/2672>

Автореферат разослан «07» ноября 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Лебедева И.Л.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию коммуникативно-прагматических функций шведских модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в драматическом диалоге.

Прагматическая семантика шведских модальных частиц, отсутствие у них собственного лексического значения обуславливают необходимость пословного описания частиц, когда анализируются значения и функции каждой отдельной частицы. Значения частиц в различных контекстах зависят от таких функционально-грамматических и коммуникативно-прагматических параметров, как:

- синтаксическая позиция;
- интонационное выделение;
- разряд местоимения, которым выражен субъект пропозиции в высказывании с частицей;
- тип предиката;
- логические отношения, которые наблюдаются между высказыванием с частицей и предшествующим/последующим высказыванием;
- тип реплики, в составе которой используется частица;
- тип речевого акта, который формирует частица;
- тип иллокутивного акта, в контексте которого употреблена частица;
- коммуникативное намерение говорящего при употреблении частицы.

В настоящем исследовании функции шведских модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в драматическом диалоге анализируются с учетом вышеперечисленных параметров. Это обеспечивает полный и всесторонний анализ коммуникативно-прагматических функций каждой из частиц и позволяет выявить особенности их употребления, их различия и общие черты.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена возросшим в последнее время интересом лингвистов к изучению живой речи, ее функционирования и отражения в письменных источниках, а также новизной материала исследования: функции шведских модальных частиц впервые исследуются на материале драматического диалога, который объединяет в себе характеристики письменной и устной речи.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к анализу коммуникативно-прагматических функций шведских модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst*, что позволяет по-новому их классифицировать в группе средств выражения субъективной модальности в шведском языке.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные исследованию различных аспектов коммуникации и диалогической речи как в структурно-языковом, так и в прагматическом аспекте – в частности, работы Л. П. Якубинского, Н. Ю. Шведовой, М. М. Бахтина, Е. В. Падучевой, Н. Д. Арутюновой, П. Линелля, Й. Олвуда, Ф. Палмера, а также исследования Т. М. Николаевой, К. Л. Киселевой, Д. Пайара, С. В. Кодзасова, К. Бонно, И. Б. Левонтиной, К. Аймер, М. Эрикссона, Я. Линдстрёма, Г. Свенссон, Д. Петерссона, Э. Б. Крыловой, Н. Давидсена-Нильсена и др.

Теоретическая значимость настоящей диссертации состоит в том, что выделенные в процессе анализа коммуникативно-прагматические функции шведских модальных частиц могут стать отправной точкой в исследованиях, посвященных различным аспектам шведского диалогического дискурса, а также в работах по сопоставлению особенностей употребления шведских и русских модальных частиц.

Практическая ценность исследования обусловлена тем, что полученные результаты и сам материал исследования могут найти применение в практическом курсе речевой коммуникации на шведском языке, в практическом курсе перевода, в теоретических курсах стилистики и лингвистики текста, в спецкурсах по лексике, грамматике и синтаксису

шведской разговорной речи. Они также могут быть полезны переводчикам при работе, в частности, с драматическими произведениями.

Объектом диссертационного исследования являются шведские модальные частицы *ju*, *väl*, *nog* и *visst*.

Предметом исследования служат коммуникативно-прагматические функции шведских модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в современном драматическом диалоге.

Цель реферируемой диссертации – провести системный анализ коммуникативно-прагматических функций модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst*. Данная цель обусловила следующие **задачи**:

1. Определить основное субъективно-модальное значение, которое выражает каждая из частиц.
2. Определить типы речевых актов, в которых употребляется каждая из частиц.
3. Определить, в каких контекстах употребляется каждая из частиц.
4. Охарактеризовать роль каждой частицы в формировании косвенных речевых актов.
5. Проанализировать связь между способом выражения пропозиционального субъекта и употреблением каждой из частиц.
6. Проанализировать роль частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в обнаружении анафорической или катафорической связи между высказываниями и, таким образом, в развитии драматического диалога.

Материалом для исследования послужили пьесы современного шведского драматурга Ларса Нурена из сборника «Терминал» (Terminalen), вышедшего в издательстве Albert Bonniers förlag в 2014 году¹. В исследовании содержится анализ употребления модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в двенадцати пьесах сборника, общее количество употреблений составило 1614

¹ Norén L. Dramer. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 2014. – s. 13-56.

примеров. Все примеры переведены на русский язык². Исследование коммуникативно-прагматических функций модальных частиц на материале драматического диалога как особой разновидности диалогического дискурса, сочетающей в себе элементы устной и письменной речи, позволяет принять во внимание речевой акт, в котором может употребляться каждая из частиц, а также прагматическую установку и коммуникативное намерение говорящего в контексте данного речевого акта.

Метод исследования. В работе используется комплексный метод, включающий структурно-семантический, коммуникативно-функциональный, контекстуальный и прагматический анализ функций модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в драматическом диалоге.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Шведские модальные частицы *ju*, *väl*, *nog* и *visst* выделяются из класса модальных фразовых обстоятельств благодаря просодическим, грамматическим, стилистическим и функциональным особенностям. Они являются операторами эпистемической модальности и употребляются в драматическом диалоге в качестве средств выражения значений аффирмативного и проблематического типов, а также значений эвиденциальности.
2. Драматический диалог сочетает в себе особенности устного спонтанного диалога и письменной речи и является особой разновидностью диалогического дискурса. Будучи средством выражения пресуппозиции, а также когезии и когерентности, модальные частицы приобретают особую значимость в литературно оформленном диалогическом тексте.
3. Полисемантичность и полифункциональность модальных частиц обуславливают необходимость их комплексного исследования с учетом таких прагматических параметров, как тип реплики, тип речевого акта,

² Перевод на русский язык всех приведенных в работе примеров выполнен ее автором – Ю. В. Филиновой. Ранее вышеперечисленные пьесы на русский язык не переводились.

коммуникативное намерение участников коммуникации, лингвистический и ситуативный контекст.

4. Частица *ju* является средством выражения значений аффирмативной модальности и употребляется для воздействия на субъективный мир собеседника и убеждения его в достоверности содержания пропозиции. *Ju* употребляется в речевых актах утверждения, сообщения, объяснения, возражения, аргумента и оценки, где реализует эмфатическую функцию, служит для объединения говорящего и слушающего в одной коммуникативной ситуации, напоминания слушающему о релевантном факте, а также для выражения внезапности, с которой говорящий что-то припоминает. Анафорическая и (реже) катафорическая функции, которые частица реализует в большинстве контекстов, делает ее одним из основных средств развития диалога.
5. Основное модальное значение частицы *väl* – выражение той или иной степени неуверенности говорящего в достоверности содержания пропозиции. Частица *väl* имеет интерактивную природу: употребляя ее, говорящий обращается к собеседнику за подтверждением или опровержением своего предположения, основанного на субъективных представлениях об истинном положении дел. В этом качестве частица реализует фатическую функцию, смягчает иллокутивную силу высказывания, служит маркером вежливости и употребляется в модальных вопросах повествовательной структуры, а также в косвенных речевых актах вежливости. В утвердительных речевых актах частица *väl* приобретает аффирмативные характеристики и реализует экспрессивную и эмфатическую функции.
6. Частица *nog* в качестве средства выражения проблематической модальности сигнализирует, что у говорящего имеются объективные доводы, позволяющие представить гипотезу как верную и не требующую подтверждения собеседника. Употребляя *nog* в актах предположения и согласия, говорящий дистанцируется от неудобной

для себя правды, стремится сделать высказывание менее категоричным. В утвердительных речевых актах частица приобретает аффирмативные характеристики и реализует эмфатическую функцию. В качестве средства связности драматического диалога частица *пог* нередко имеет катафорическую функцию.

7. Значения и функции частицы *visst* определяются ее синтаксической позицией и интонационным выделением. Безударный вариант частицы в позиции после личной формы глагола является средством выражения значений эвиденциальности и сигнализирует, что предположение говорящего основано на объективном источнике информации – собственном сенсорном опыте или словах третьих лиц, – что позволяет говорящему снять с себя часть ответственности за достоверность пропозиции. Ударный вариант частицы является средством выражения аффирмативной модальности и реализует эмфатическую функцию.

Апробация исследования. По теме диссертации опубликовано в целом пять работ, из них пять опубликованы в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова. Результаты, полученные в процессе работы, обсуждались на международных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021» и «Ломоносов-2022» на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, а также на XVI Межвузовской научно-практической конференции «Перевод – мост между мирами 2021».

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, выводов по результатам исследования, заключения, библиографического списка и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность и научная новизна диссертационного исследования, формулируются цель и задачи работы, подчеркивается ее теоретическая и практическая значимость.

В **первой главе** «Драматический диалог как особая разновидность диалогического дискурса» описываются основные особенности драматического диалога, а также прагматические инструменты анализа значений и функций модальных частиц. Драматический диалог рассматривается как особый тип текстов, объединяющий в себе особенности устной и письменной форм бытования дискурса. Он обладает чертами спонтанного устного диалога: подразумевает сравнительно быстрый обмен репликами, строится с опорой на коммуникативную ситуацию, которая объединяет коммуникантов, а также содержит взаимосвязанные реплики³. В то же время драматический диалог обладает характерными чертами письменного текста – он создается автором произведения намеренно для передачи читателю той или иной информации или тех или иных реакций с целью воздействовать на него. Каждая реплика драматического диалога точно выверена и служит замыслу автора.

Особое внимание в исследовании уделяется двуплановости драматического диалога, которая заключается в том, что «каждая пьеса предназначена для сценической постановки»⁴ и, соответственно, «имеет два плана выражения – на бумаге и на сцене <...>»⁵. Каждое драматическое произведение потенциально имеет две аудитории – читателей опубликованной пьесы и зрителей ее сценической интерпретации. Эта двуплановость ставит перед драматургом особые задачи и обуславливает частое употребление модальных частиц: с одной стороны, они уместно звучат в устной речи при

³ Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные труды. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986.

⁴ Elam K. The semiotics of theatre and drama. London, 2002.

⁵ Thornborrow J; Wareing S. Patterns in language. An introduction to language and literary style. London, 1998.

воплощении диалога на сцене, с другой – отчасти замещают в письменном произведении невербальные средства коммуникации, которые в устной беседе служат для выражения отношения говорящего к собеседнику и сообщаемому.

В данной главе, вслед за М. М. Бахтиным, проводится разграничение понятий «предложение» и «высказывание»⁶. Высказывание берется за основу при дальнейшем анализе функций модальных частиц, поскольку только высказывание является единицей речевой коммуникации и способно выражать различные оттенки смысла. Н. Ю. Шведова, анализируя опосредованный, записанный диалог, обращает внимание на то, что в диалоге высказывания связаны между собой, и «эта взаимосвязанность есть всегда взаимосвязанность смысловая и – в определенных случаях – структурно-языковая»⁷. Высказывания, между которыми наблюдается синтаксическая и смысловая связь, Шведова называет репликами; при этом одна реплика обусловлена другой, в результате чего образуется диалогическое единство. При анализе диалогических единств выделяются инициативные (реплики-стимулы) и ответные реплики (реплики-реакции).

Для дальнейшего анализа функций частиц устанавливаются критерии, в соответствии с которыми разграничиваются монологические и диалогические реплики. Под монологической репликой в данном исследовании подразумевается не речь говорящего, когда тот пребывает (или думает, что пребывает) в одиночестве, а реплика, независимая от окружающих реплик: «чем более независима реплика, тем более она монологична»⁸. Кроме того, на вид реплики может влиять ее длина: если реплика продолжается какое-то время и речевой ход не передается собеседнику, можно говорить о том, что эта реплика является монологической⁹. По мнению П. Линелля, реплика считается монологической, если говорящий продолжает говорить несколько

⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

⁷ Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания №2, 1956.

⁸ Pfister M. The theory and analysis of drama. Cambridge University Press, 1988.

⁹ Svensson G. Diskurspartiklar hos ungdomar i mångspråkiga miljöer i Malmö. Lund: Lunds universitet, 2009.

диалогических ходов подряд, и собеседник не стремится перехватить инициативу¹⁰.

В разделе «Прагматический инструментарий анализа модальных частиц» уделяется большое внимание теории речевых актов, а также подробно рассматриваются понятия пропозиции и пресуппозиции, контекста, когезии и когерентности, актуальные в рамках коммуникативно-функционального, контекстуального и прагматического подходов к анализу коммуникативно-прагматических функций модальных частиц в драматическом диалоге.

Современный подход к исследованию диалогической речи заключается в том, что взаимодействие между участниками коммуникации анализируется комплексно, с учетом различных аспектов. Диалогическая коммуникация рассматривается как рациональная и кооперативная деятельность собеседников¹¹, в которой говорящий и слушающий имеют определенные коммуникативные намерения, или интенции: говорящий стремится донести до слушающего свою мысль, а слушающий стремится интерпретировать ее правильным образом. Говорящий и слушающий, таким образом, являются равнозначными участниками коммуникативной ситуации и несут равную ответственность за ее развитие и успешность. На этом принципе основана теория речевых актов, центральной категорией которой является понятие иллокутивного акта¹². В этом акте наше речевое действие успешно, когда слушатели распознают наше намерение. Однако воздействие на слушателей не предполагает результата в виде их веры нам или непосредственной реакции, а предполагает лишь их понимание нашего намерения¹³.

Развивая теорию Остина и Сёрля, Й. Олвуд выделяет четыре основных речевых акта: декларативный (акт утверждения), интеррогативный (акт вопроса), директивный (акт побуждения) и экспрессивный (акт выражения)¹⁴.

¹⁰ Linell P. *En dialogisk grammatik? // Samtal och grammatik*. Lund: Studentlitteratur. 2005.

¹¹ Allwood J. *The structure of dialogue. // Structure of Multimodal Dialog II*. M. M. Taylor, F. Ne'el and D. G. Bouwhuis (eds). Amsterdam: John Benjamins", 1988.

¹² Austin J. *How to Do Things with Words*. Cambridge: Clarendon Press, 1962.

¹³ Searle J. *Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics*. New York, 1975. – p. 69-82.

¹⁴ Allwood J. *Linguistic communication as action and cooperation*. University of Gothenburg. 1976.

Функции модальных частиц в данном диссертационном исследовании анализируются в контексте этих коммуникативных актов. Особый интерес представляют случаи «несоответствия между формальным строением предложения и реальным коммуникативным предназначением соответствующего высказывания»¹⁵, когда речь идет о косвенных речевых актах, которые противопоставляются прямым. Среди косвенных речевых актов выделяют, например, предположение в форме вопроса, речевые акты вежливости, уговаривания, побудительные косвенные речевые акты, риторические вопросы и др.¹⁶.

При анализе коммуникативно-прагматических функций модальных частиц в контексте того или иного речевого акта вводится понятие пропозиции. Пропозиция – это «общее содержание утверждений, суждений, обещаний, пожеланий и желаний, вопросов и ответов, того, что может быть возможным или вероятным»¹⁷. Пропозиция, выражаемая в высказывании, является важным элементом любого речевого акта, в речевом акте пропозиция утверждается, обретает форму, приобретает различные иллокутивные функции. Разнообразные средства эпистемической модальности, в частности модальные частицы, выражают отношение говорящего к достоверности содержания той или иной пропозиции и являются средствами выражения пропозициональной установки говорящего¹⁸. Пропозиции могут быть выражены в предложении эксплицитно и имплицитно. Подразумеваемый семантический компонент предложения, не выраженный в нем с достаточной эксплицитностью, называется пресуппозицией (презумпцией)¹⁹.

¹⁵ Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992.

¹⁶ Крылова Э.Б. Система и функции модальных частиц в датском языке: дис. ... д-а. филол. наук. М. 2012.

¹⁷ Stalnaker R.C. Pragmatics. // *Semantics of natural language*. Dordrecht: Reidel, 1972. – p. 380-397.

¹⁸ Крылова Э.Б. Система и функции модальных частиц в датском языке: дис. ... д-а. филол. наук. М. 2012.

¹⁹ Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М. 1985.

Пресуппозиция «входит в семантику предложения как фонд общих знаний собеседников, как их предварительный договор»²⁰.

Цельный диалог характеризуется взаимосвязанностью реплик как на уровне текста (когезия), так и на глобальном уровне дискурса (когерентность). Логическая связь, которая возникает между высказываниями или репликами, бывает анафорической (данное высказывание связано с предшествующим), катафорической (данное высказывание обнаруживает связь с последующим) или анафорико-катафорической. Средства связности, обнаруживающие логические отношения между высказываниями и репликами в диалоге, являются также средствами развития действия в диалоге. В реферируемой работе анафорическая и катафорическая функции частиц рассматриваются в контексте коммуникативно-прагматических функций.

Во **второй главе** «Модальные частицы как объект исследования» приводится история исследования шведских и русских модальных частиц, их классификации и роль в современном языке, а также поясняется, почему единицы *ju*, *väl*, *nog* и *visst* выделяются из класса наречий и модальных слов, а также дискурсивных маркеров. Кроме того, в данной главе подробно рассматривается понятие модальности и приводятся ее типы.

Обращение лингвистов к исследованию частиц связано с появлением интереса к изучению устной речи, законов ее отражения и функционирования в письменных источниках. Сегодня, несмотря на достаточно большое количество исследований (русским частицам посвящены исследования В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, Т. М. Николаевой, Е. А. Стародумовой, И. Б. Левонтиной, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, С. В. Кодзасова и др, шведским – работы К. Аймер, М. Эрикссона, Я. Линдстрема, Н. Шерф, Х. Бергквиста и др.), у лингвистов до сих пор нет однозначного мнения относительно вопросов именованья, определения, выделения и классификации частиц.

²⁰ Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. Т.32. 1973. – с. 84-89.

Шведский язык не обладает большим количеством частиц. В шведском академическом дискурсе понятие «модальная частица» появилось в 1977 году, однако этот класс выделяется далеко не всеми исследователями. Так, в последней версии «Шведской академической грамматики» модальные частицы, вместе с модальными словами и наречиями, описываются в группе модальных фразовых обстоятельств (*modala satsadverbial*), которые «семантически выражают отношение говорящего к содержанию высказывания или речевого акта, выражаемого в высказывании»²¹. При этом авторы исходят из синтаксической позиции языковых единиц – характеризую высказывание в целом, они в основном употребляются после личной формы глагола. Некоторые исследователи, однако, обратили внимание на то, что группа модальных фразовых обстоятельств является неоднородной и в ней присутствуют единицы, которые выделяются по ряду признаков. К. Аймер назвала эти единицы модальными частицами и сформулировала критерии, на основании которых единицы могут быть отнесены к этому классу:

1. Грамматические критерии

А) Морфологический: модальные частицы, в отличие от наречий, представляют собой морфологически неразложимые одноморфемные образования.

Б) Синтаксический: модальные частицы относятся ко всему предложению и употребляются строго после личной формы глагола (за некоторыми исключениями). Они не могут самостоятельно формировать высказывание.

2. Просодический критерий

Модальные частицы обычно стоят в безударной позиции в предложении.

3. Функциональный критерий

²¹ Telemann U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik (SAG) // Vol. 4. Stockholm: Norstedts, 1999.

Помимо модального значения, частицы имеют различные коммуникативно-прагматические функции, которые определяются в первую очередь контекстом.

4. Стилистический критерий

Сфера употребления модальных частиц ограничена устной речью²².

На основании этих критериев К. Аймер выделяет четыре модальные частицы – *ju, väl, nog* и *visst*. Хотя не все лингвисты согласны с таким списком, ее исследования шведских модальных частиц являются наиболее полными, поэтому именно эти частицы стали предметом данной работы.

Последний раздел главы 2 посвящен понятию модальности и ее типам. Модальность – одна из самых сложных и недостаточно изученных категорий, «включающая разнородные модальные характеристики, которые проявляются в разных аспектах структуры предложения, зачастую наслаиваясь одна на другую»²³. Исследователи выделяют три типа модальности:

- объективную модальность;
- иллокутивную модальность;
- субъективную модальность

Объективная модальность (противопоставление высказываний по признаку реальность – ирреальность) является конституирующим признаком любого предложения как в русском, так и в шведском языке, поскольку любое высказывание выражает какую-то пропозицию. Основным средством выражения объективной модальности является наклонение.

Иллокутивная модальность (противопоставление высказываний по иллокутивной силе – типу предложения по цели высказывания) также присутствует в языке всегда, без нее не могла бы проявиться объективная модальность.

²² Aijmer K. Swedish modal particles in a contrastive perspective // *Language Sciences* 18. Elsevier, 1996. – p. 393-427.

²³ Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. 1973.

Субъективная модальность (противопоставление высказываний в соответствии с ментальной установкой говорящего) присутствует в предложении не всегда. «Значения, относимые к субъективной (установочной, оценочной) модальности, указывают на отношение говорящего к ситуации, о которой он сообщает, т.е. на его психологическую или ментальную установку – желательность, гипотетичность, оценку вероятности и подобное»²⁴. Значения субъективной модальности могут быть выражены разными лексическими средствами – в частности, модальными предикатами, модальными словами и модальными частицами.

Субъективное восприятие ситуации предполагает ее оценку с точки зрения достоверности или степени вероятности – эпистемическую модальность. Э. Б. Крылова определяет это понятие как «отношение говорящего к содержанию пропозиции с точки зрения его достоверности и меры своей ответственности за нее»²⁵. Анализируя датские модальные частицы, она выделяет три типа эксплицитно выраженных эпистемических значений:

- проблематическая модальность;
- аффирмативная модальность;
- комментирующая модальность.

«Средства выражения значений проблематической модальности сигнализируют о наличии у говорящего проблемы оценки содержания пропозиции как достоверной из-за отсутствия или недостаточности информации о реальной действительности.

Средства выражения значений аффирмативной модальности сигнализируют о наличии, с точки зрения говорящего, аналогичной проблемы у слушающего.

²⁴ Русская корпусная грамматика. Модальность. Под ред. Е.В. Падучевой. 2016. URL: <http://rusgram.ru/Модальность> (дата обращения: 01.03.2022).

²⁵ Крылова Э.Б. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. М.: МАКС Пресс, 2021.

Средства выражения значений комментирующей модальности сигнализируют о наличии, с точки зрения говорящего, проблемы восприятия конкретной ситуации (в связи с ее двусмысленностью, например) в объективном мире действительности и направлены на комментарий данной ситуации и обоснование адекватности ее понимания говорящим»²⁶.

В рамках значений эпистемической модальности рассматриваются значения эвиденциальности. Если эпистемическая модальность обычно означает выраженную говорящим неполную степень достоверности сообщаемой им информации, то эвиденциальность маркирует объективные источники информации, на которых говорящий основывает свое высказывание. Среди этих источников выделяются:

- непосредственное сенсорное восприятие (визуальное, аудитивное);
- слова третьих лиц.

В шведском языке категория эвиденциальности выражена лексическими средствами – глаголами сенсорного восприятия, модальными наречиями и частицами с эвиденциальными функциями²⁷.

В **третьей главе** «Функции модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* в драматическом диалоге» анализируются коммуникативно-прагматические функции шведских модальных частиц.

Для упрощения анализа все учитываемые в ходе работы параметры были разбиты на два аспекта:

- функционально-грамматический:
 - синтаксическая позиция частицы;
 - ударность/безударность частицы;
 - разряд местоимения, которым выражен субъект пропозиции в высказывании с частицей;

²⁶ Крылова Э.Б. Система и функции модальных частиц в датском языке: дис. ... д-а. филол. наук. М. 2012.

²⁷ Aijmer K. Swedish modal particles in a contrastive perspective // Language Sciences 18. Elsevier, 1996. – p. 393-427.

- тип предиката;
- логические отношения между высказыванием с частицей и предшествующим/последующим высказыванием.
- коммуникативно-прагматический:
 - тип реплики, в составе которой используется частица (монологическая или диалогическая, инициативная или реактивная);
 - тип речевого акта, который формирует частица (прямой или косвенный; декларативный, интеррогативный или директивный);
 - тип иллокутивного акта, в контексте которого употреблена частица (акт утверждения, сообщения, оценки, предположения и т.д.);
 - тип субъективно-модальных значений, которые выражает частица (аффирмативный и/или проблематический);
 - коммуникативное намерение говорящего при употреблении частицы;
 - ориентация говорящего на собеседника и то знание, к которому он обращается, чтобы представить пропозицию как истинную (собственное, чужое, общее для говорящего и собеседника или общеизвестное знание);
 - степень готовности говорящего взять ответственность за достоверность высказываемой пропозиции/потребность говорящего в подтверждении от слушающего;
 - нормы вежливости, которые стремится соблюсти говорящий.

Анализ частотности употребления модальных частиц показал, что наиболее распространенными частицами являются *ju* и *väl*:

Ju	Väl	Nog	Visst
882	632	73	26
<i>Таблица 1</i>			

Анализ каждой из частиц предваряет ее краткая характеристика. Поскольку данные пьесы ранее не были переведены, особое внимание уделяется вопросу перевода частиц и поиску переводных эквивалентов в русском языке. В этом вопросе автор ориентируется на данные «Большого шведско-русского словаря» издательства «Норстедтс»²⁸ и параллельного шведско-русского корпуса в составе Национального корпуса русского языка²⁹.

Перевод примеров выполнен автором работы самостоятельно. Главной целью перевода было адекватное отражение заданной в оригинале коммуникативной установки говорящего, а также, насколько возможно, сохранение лексики и синтаксиса оригинала.

Для удобства структурирования материала примеры разделены на группы в зависимости от субъекта пропозиции в высказывании с частицей. Субъект пропозиции может быть выражен:

- личными местоимениями 1 лица единственного и множественного числа jag/vi;
- личными местоимениями 2 лица единственного и множественного числа du/ni;
- неопределенно-личным местоимением man;
- личными местоимениями 3 лица (одуш.) единственного и множественного числа han/hon/de;
- личным местоимением 3 лица (неодуш.) единственного числа det.

Как показал анализ, главная функция **модальной частицы ju** заключается в том, чтобы воздействовать на субъективный мир собеседника и убедить его в достоверности высказываемой говорящим пропозиции: ju выражает значения аффирмативного типа эпистемической модальности. При этом говорящий может апеллировать к собственному знанию или знанию собеседника, однако коммуникативное намерение реализуется наиболее

²⁸ Norstedts stora ryska ordbok. Redaktör: Elisabeth Marklund Sharapova. Stockholm: Norstedts, 2012.

²⁹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 15.08.2022)

успешно при апелляции к общему для обоих коммуникантов или общечеловеческому знанию.

Как показал анализ, частица *ju* употребляется в речевых актах утверждения, сообщения, объяснения/пояснения, аргумента, возражения и оценки. В этих актах частица реализует следующие коммуникативно-прагматические функции:

- функцию объединения говорящего и слушающего в одной коммуникативной ситуации:

Han: Det var bra att du ringde.

Hon: Ja.

Han: Vi älskar **ju** varandra.

Hon: Ja, jag älskar dig. (Allt...innan)

Он: Хорошо, что ты позвонила.

Она: Да.

Он: Мы же любим друг друга.

Она: Да, я люблю тебя.

- функцию напоминания слушающему о релевантном факте:

Jonas: Var köpte du lammköttet?

Johanna: I Hallen.

Jonas: Jaså. Där.

Olof: Vi brukar **ju** gå dit.

Jonas: Ja, jag vet. Vi brukade gå dit. (Tyst musik)

Юнас: Где ты купила баранину?

Юханна: В «Халлене».

Юнас: Ах там. Ясно.

Улоф: Мы же туда обычно ходим.

Юнас: Да, я знаю. Мы туда обычно ходили.

- функцию внезапного припоминания говорящим чего-то, что он изначально не учел в ходе своих рассуждений:

Karin: Vill du att vi ska göra det?

Johanna: Nej, varför det. Vi är väl inte släkt.

Jonas: Jag hämtar dem, när jag...

Johanna: Vi har bara varit gifta med samma man... ja, du är **ju** fortfarande gift med honom. (Tyst musik)

Карин: Ты хочешь, чтобы мы это сделали?

Юханна: Нет, зачем? Мы же не родственники.

Юнас: Я заберу их, когда...

Юханна: Подумаешь, побывали замужем за одним и тем же мужчиной. Ну да, ты же и сейчас за ним замужем.

- эмфатическую функцию, позволяющую, в том числе, реализовывать манипулятивные стратегии:

Johanna: <...> Det är jag som har fått sätta ihop alla tekniska maskiner som vi har köpt. CD:n. Videoapparaten. Tvättmaskinen. Det är jag som kör. Du har **ju** inte ens körkort.

Olof: Nej, jag vet. (Tyst musik)

Юханна: <...> Мне приходится настраивать всю нашу технику. Плеер. Видеопроектор. Стиральную машинку. И машину вожу я. У тебя же даже прав нет.

Улоф: Да, я знаю.

- функцию выражения несовпадения ожиданий говорящего реальной ситуации:

[Начало пьесы]

Fadern: Det var **ju** trevligt att se er igen.

Sonen: Ja. (Om ljuset)

Отец: А приятно снова увидеть вас.

Сын: Да.

- анафорическую функцию: обнаружение причинно-пояснительных, уступительных и противительных отношений между высказываниями:

Karin: Ja. Jag är så glad för att ni kunde komma...

Johanna: Ja, jag tyckte att jag skulle gå... Vi var **ju** ändå gifta med varandra en gång i tiden... även om det känns nästan överkligt, så länge sedan som det var...

Karin: Ja. (Tyst musik)

Карин: Да. Я так рада, что вы смогли прийти...

*Юханна: Да, я подумала, что должна прийти... Мы **ведь** все-таки когда-то были супругами... хотя сейчас это кажется почти невозможным, так давно это было...*

Карин: Да.

- катафорическую функцию: обнаружение причинно-следственных отношений между высказываниями, ввод предпосылки для дальнейшего пояснения:

Mannen: Det har vi med. Gott om plats.

Svärdottern: Vill du åka med mig?

Vännen: Visst. Det kan jag göra.

Mannen: Jag kör **ju** inte. Jag har slutat att köra. Men Klara kör så bra, så lugnt och säkert.

Dottern: Du kan lika gärna åka med oss. (Vinterförvaring)

Невестка: У меня в машине есть место.

Муж: У нас тоже. Много места.

Невестка: Хочешь поехать со мной?

Друг: Конечно. Могу поехать.

*Муж: Я (**ведь**) не вожу машину. Перестал. Зато Клара водит очень хорошо, спокойно и уверенно.*

Дочь: Ты можешь и с нами поехать.

Чаще всего частица *ju* передается на русский язык с помощью частиц *ведь* и *же*, которые имеют усилительную функцию.

Частица väl, как показал анализ, имеет двойственную природу и, соответственно, служит для выражения двух значений.

1. В речевых актах предположения и оценки *väl* является средством выражения проблематической модальности и выражает недостаточную

уверенность говорящего в истинности своих слов. Употребляя эту частицу, говорящий транслирует собеседнику, что не уверен в достоверности содержания пропозиции, однако представляет ее как истинную и обращается к собеседнику за подтверждением своей правоты³⁰. Делая это, он «включает его в зону ответственности за достоверность содержания пропозиции и наделяет его определенным “эпистемическим авторитетом”»³¹. В этом значении частица реализует следующие коммуникативно-прагматические функции:

- функцию выражения той или иной степени неуверенности говорящего в верности его гипотезы относительно прошлого, настоящего или будущего:

Han: Och när du är där... Vad gör dom?

Hon: När jag är där får jag **väl** ligga och vänta tills det blir min tur... och sen får jag **väl** vara kvar efteråt några timmar och återhämta mig... (Allt...innan)

Он: И когда ты там будешь... Что они будут делать?

*Она: Когда я там буду там, мне, **наверное**, придется лежать и ждать своей очереди... а потом, **наверное**, придется остаться еще на несколько часов, чтобы прийти в себя...*

- дистанцирование говорящего от действительности, функцию маркера вежливости:

Jonas: Jag vet inte... Man ska **väl** försöka ta sig tillbaka till livet... på ett eller annat sätt... eller så ska man göra slut på det... (Tyst musik)

*Юнас: Не знаю... нужно **же, наверное**, попытаться вернуться к жизни...так или иначе... или покончить со всем этим...*

- имплицитное возражение:

A: Du skulle ju äta.

C: Det kan jag **väl** göra sen. (Förnimmelse)

³⁰ Eriksson M. Ju, väl, då, va, alltså – en undersökning av talaktsadverbial i stockholmskt talspråk // Studier i stockholmspråk 1. Stockholm: Stockholms universitet, 1988. – s. 75-120.

³¹ Bergqvist H. Swedish modal particles as markers of engagement: evidence from distribution and frequency // Folia Linguist. De Gruyter Mouton. 2020. P. 469–496.

A: Вы же хотели пообедать.

*C: Я, **пожалуй**, могу сделать это и позже.*

- фатическую функцию:

Johanna: Du kan inte mena mig i alla fall.

Jonas: Nej. Absolut inte.

Johanna: Du tänkte **väl** bara på dig själv, antar jag.

Jonas: Det gjorde jag nog. (Tyst musik)

Юханна: Ты точно говоришь не обо мне.

Юнас: Нет. Конечно, нет.

Юханна: Ты, как я полагаю, думал только о себе.

Юнас: Возможно.

- осторожную оценку, которую говорящий хочет разделить со слушающим:

Karin: Ja... nu är det över.

Johanna: Ja, det är **väl** skönt... att det är över, på sätt och vis.

Karin: Det är ju det man har väntat på... hela sommaren... den här dagen. Att den här dagen ska komma och gå. (Tyst musik)

Карин: Ну... вот и все.

*Юханна: Да, и это, **наверное**, к лучшему... в каком-то смысле хорошо, что все закончилось.*

Карин: Мы ведь только этого и ждали... все лето...этого дня. Что этот день наступит и пройдет.

2. В утвердительных речевых актах **väl** приобретает аффирмативные характеристики, служит для усиления иллокутивного акта и реализует эмфатическую и экспрессивную функции. Под экспрессивной функцией подразумевается выражение недовольства говорящего собеседником или положением дел:

Hon: Det är ingen som har ringt?

Sjuksköterskan: Ringt?

Hon: Hit, till avdelningen. Det är ingen som har ringt och frågat efter mig?

Sjuksköterskan: Inte vad jag har hört.

Hon: Nej, jag tänkte **väl** det. (Allt...innan)

Она: Никто не звонил?

Медсестра: Звонил?

Она: Сюда, в отделение. Никто не звонил и не спрашивал обо мне?

Медсестра: Нет, насколько я знаю.

*Она: **Я так и думала.***

Важно отметить, что такие функции **väl** проявляются в основном при употреблении с фактивными, перцептивными, речемыслительными предикатами, в частности *veta* *знать*, *se* *видеть*, *tänka* *думать*, *säga* *говорить*:

B: Det är dom som är värst. Det är dom man ska se upp med.

A: Är det?

B: Det vet du **väl**.

Tystnad. (Förnimmelse)

B: Это они хуже всего. Это их нужно опасаться.

A: Правда?

*B: Ты **же** и сама знаешь [Как будто ты сама не знаешь].*

(Молчание.)

Обращенность на собеседника позволяет назвать **väl** интерактивной частицей и обуславливает ее употребление в модальных вопросах повествовательной структуры и косвенных речевых актах вежливости.

В позитивных и негативных модальных вопросах повествовательной структуры частица служит для установления контакта между коммуникантами, объединения коммуникантов в единой коммуникативной ситуации благодаря апелляции к общим для них знаниям, а также для реализации стратегий вежливости и выражения экспрессии, в частности надежды говорящего на то, что его предположение окажется верным, или что его опасения не подтвердятся. Во всех случаях говорящий ожидает от собеседника активного участия:

Modern: Hon bor ju inte hemma längre.

Sonen: Nej, jag vet... Det är väl bara jag som bor kvar. <...> Men du har **väl inga** planer på att flytta hem igen?

Vännen: Nej, inte direkt. (Vinterförvaring)

Мать: Она ведь больше не живет дома.

*Сын: Я знаю. Тут, наверное, только я и остался. <...> У тебя **ведь [надеюсь]** нет планов вернуться домой?*

Друг: Нет, по крайней мере в ближайшее время.

Кроме того, частица формирует косвенные речевые акты просьбы, приказа, совета, призыва к совместному действию:

Fadern: Jag är så trött. Jag är så jävla trött.

Kvinnan: Du ska **väl** gå hem till dina barn.

Fadern: Ja, vart ska jag annars gå. (Om ljuset)

Отец: Я так устал. Устал как собака.

*Женщина: Тебе, **наверное, лучше** пойти домой к детям.*

Отец: Да, куда мне еще идти.

Частица *väl*, благодаря широкой семантике, имеет множество соответствий в русском языке, среди них частицы и модальные слова: *наверное, надеюсь, полагаю, ли, все-таки, ведь, же, кажется, случайно, пожалуй, так и.*

Модальная частица *nog* имеет двойственную природу служит для выражения двух значений.

1. В речевых актах предположения и (вынужденного) согласия/подтверждения *nog* является средством выражения проблематической модальности и выражает мнение говорящего о достоверности или недостоверности содержащейся в пропозиции информации. При употреблении *nog*, в отличие от *väl*, говорящий не требует от слушающего подтверждения верности своей гипотезы, поскольку считает, что у него имеется достаточно оснований для того, чтобы представить пропозицию как истинную³². *Nog* превращает

³² Lindström J. Tur och ordning. Introduktion till svensk samtalsgrammatik. Stockholm: Norstedts akademiska förlag, 2008.

предположение говорящего в умозаключение, основанное на личном или общечеловеческом опыте, или на знании коммуникативной ситуации: «это, скорее всего, так, потому что так уже было со мной/так обычно бывает». В этом значении *nog* реализует следующие коммуникативно-прагматические функции:

- функцию выражения высокой степени уверенности говорящего в достоверности пропозиции при наличии у говорящего объективных причин, позволяющих представлять умозаключение как верное:

Jonas: <...> Vi var i samma rum. Jag gick med dom efter begravningen. Jag visste inte vad jag skulle säga.

Karin: Nej... han kan **nog** inte hitta filtren. Det är därför det tar så lång tid. (Tyst musik)

Юнас: <...> Мы были в одной комнате. Я пришел с ними с похорон. Я не знал, что сказать.

Карин: Ясно... он, скорее всего, не может найти фильтр. Вот почему он так долго.

- функцию выражения дистанцирования говорящего от действительности, неудобной правды:

Johanna: Du tänkte väl bara på dig själv, antar jag.

Jonas: Det gjorde jag **nog**. (Tyst musik)

Юханна: Ты, как я полагаю, думал только о себе.

Юнас: Да, **наверное**.

- смягчение категоричности высказывания, функцию маркера вежливости:

Pojken: Gå inte.

Sonen: Nej, jag måste **nog** gå nu.

Pojken: Nej, gå inte... Stanna en stund till.

Mannen: Ska du redan gå? Kan du inte stanna en stund till?

Sonen: Nej, jag måste **ju** hämta Emma. (Vinterförvaring)

Мальчик: Не уходи.

Сын: Нет, мне, **наверное**, пора идти.

Мальчик: Нет, не уходи...останься еще ненадолго.

Муж: Тебе уже надо идти? Может быть, останешься ненадолго?

Сын: Нет, я **ведь** должен забрать Эмму.

Последний пример демонстрирует наличие у *nog* катафорической функции: частица вводит предпосылку для дальнейшего развития диалога. Часто в таких случаях *nog* вступает во взаимодействие с частицей *ju*, которая реализует анафорическую функцию: «Я, **наверное**, должен идти, [потому что/ведь] мне нужно забрать Эмму».

2. В речевом акте обещания, часто в контексте утешения, *nog* усиливает иллокутивную силу высказывания и, таким образом, приобретает аффирмативные характеристики. В этом качестве частица реализует эмфатическую функцию:

Mannen: Ja, vi får se. Vi får väl flytta först.

Pojken: Men om vi har det sen?

Mannen: Det fixar vi **nog**. (Om ljuset)

Муж: Ну, посмотрим. Давай сначала переедем.

Мальчик: А если у нас это потом будет?

Муж: Мы [**обязательно**] решим этот вопрос.

Отдельно выделяется способность частицы формировать косвенный речевой акт совета, реализуя таким образом функцию маркера вежливости:

A: Dom är rätt nerslitna.

B: Ja, jag vet.

A: Du får **nog** byta dom snart.

B: Det är mycket som ska bytas. (Om kärlek)

A: Они довольно старые.

B: Да, я знаю.

A: Тебе их, **наверное**, лучше сменить в ближайшее время.

B: Мне много всего нужно сменить.

В качестве возможных соответствий частицы *nog* в русском языке предлагаются модальные слова *вероятно, наверное, наверняка, скорее всего, конечно, возможно, обязательно*.

Значения и функции **модальной частицы *visst*** зависят, как показал анализ, от ее синтаксической позиции и наличия/отсутствия интонационного выделения. В безударной позиции после личной формы глагола частица выражает значения эвиденциальности. Употребляя *visst* в таком значении, говорящий транслирует слушающему, что его предположение основано на объективных факторах – сенсорном (зрительном/аудитивном) восприятии или словах третьих лиц. Представляя пропозицию как достоверную, говорящий, тем не менее, снимает с себя часть ответственности за ее истинность и транслирует с помощью частицы, что не до конца доверяет собственным чувствам и чужим словам:

Jonas: Såg dom något?

Olof: Ja, nånting är det väl. Jag kanske har en liten cysta där som dom vill avlägsna... men dom vill passa på att titta på levern också. Det var några värden som **visst** inte var så bra. Men det är inget att oroa sig för. (Tyst musik)

Юнас: Они обнаружили что-нибудь?

Улоф: Да, что-то вроде есть. У меня там, возможно, небольшая киста, которую они хотят удалить... но они хотят заодно посмотреть печень. Там какие-то показатели, **кажется**, были не очень хорошие. Но беспокоиться не о чем.

Ударный вариант частицы *visst* в позиции после личной формы глагола употребляется в речевом акте возражения и приобретает эмфатическую функцию:

B: Var du därinne...hos honom?

A: Nej, det var jag inte.

B: Det var du '**visst**. (Förnimmelse)

B: Ты была там...у него?

A: Нет, не была.

B: А вот и была.

В инициальной позиции встречается только безударный вариант частицы. Он употребляется в акте согласия/подтверждения, где приобретает эмфатическую функцию. Говорящий подтверждает слова собеседника, однако делает это неохотно, частица выражает «иллюзию согласия» – этот параметр К. Бонно и С. В. Кодзасов выделяют применительно к русскому модальному слову «конечно»³³. При этом структура высказывания с *visst* часто зеркально повторяет структуру предыдущего высказывания:

Karin: Ni har det så fint därnere.

Jonas: Jag vet inte... Visst är det fint. (Tyst musik)

Карин: У вас там [в загородном доме] такая красота.

Юнас: Не знаю... Там хорошо, конечно.

Соответствиями модальной частицы *visst* в русском переводе могут быть слова *конечно, без сомнения, несомненно, разумеется, вероятно, кажется, очевидно.*

В **заключении** содержатся общие выводы, полученные в результате проведенного исследования. Анализ показал, что модальные частицы *ju, väl, nog* и *visst* являются средствами выражения значений аффирмативного и проблематического типов эпистемической модальности.

Значения и коммуникативные функции проанализированных модальных частиц представлены в *таблице 2*:

Аффирмат. знач.		Проблем. знач.		Связ. Функц ия
Мод.	Ком.-пр.	Мод.	Ком.-пр.	

³³ Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М. 1998.

Ju	Уверенность Воздействие на собес.	Эмфатическая ф. Маркер сближения Актуализ. прошлого опыта Напоминание Внезапное припоминание Неожиданность	–	–	+ (анафор., редко – катафори ч.)
Väl	Экспресс. уверенность Совпадение с отрицательными ожиданиями	Экспрессивная ф. Эмфатическая ф.	Предполож. Допущение	Низкая ст. вовлеч. Отстранени е от действит. Потребност ь в подтв. от собес Фатическая ф. Маркер вежл.	–
No g	Вежливая уверенность	Утверждение Утешение Обещание	Предп. Умозаключ.	Отстранени е от действит. Вынужденн ое согласие Маркер вежл.	+ (катафорич)
Vis st Без уд.	Уверенность	«Иллюзия согласия»	Эвиденциал Пересказыват	Отстран. от ответств.	–

Vis st Уд.	Уверенность	Эмфатическая ф.	–	–	–
					<i>Таблица 2</i>

Различные коммуникативно-прагматические функции модальных частиц *ju*, *väl*, *nog* и *visst* обуславливают широкое употребление данных частиц в драматическом диалоге, где взаимодействие между персонажами продумано до мельчайших деталей, однако выглядит почти так же естественно, как и в спонтанном устном диалоге. Без частиц диалогические реплики были бы монотонными, а персонажи пьесы казались бы ходульными и неестественными.

Библиографический список насчитывает 164 наименования, из них 74 на иностранных языках.

Основные результаты диссертации отражены в следующих **публикациях**:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Филинова Ю.В. Место и роль модальных частиц в современном шведском языке (по материалам работ шведских и российских лингвистов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки (РИНЦ – 0,195). – № 5 (847). 2021. – С. 170–181.
2. Филинова Ю.В. Функционально-семантическая характеристика шведской модальной частицы *ju* // Вестник Пятигорского государственного университета (РИНЦ – 0,137). – № 2. 2021. – С. 58–64.
3. Филинова Ю.В. Функционально-семантическая характеристика шведской модальной частицы *väl* // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология (РИНЦ – 0,161). – № 4 (71). 2021. – С. 258–265.
4. Филинова Ю.В. Шведские модальные частицы *nog* и *visst* как средство связности в драматическом диалоге // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология (РИНЦ – 0,161). – № 2 (73). 2022. – С. 245–252.
5. Филинова Ю.В. Шведская модальная частица *ju* как средство формальной и смысловой связности в диалогическом тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки (РИНЦ – 0,195). – № 12 (867). 2022. – С. 106–112.